УДИВИТЕЛЬНОЕ РЯДОМ

Опубликованные в нашем издании отрывки из книги журналиста и путешественника Виктора Гоношилова «По течению против ветра», вызвали массу откликов среди читателей. Что, поверьте, не может не радовать. По той простой причине, что не так уж мало, как оказалось, в Омской области людей, неравнодушных к истории своего края. Между тем, за плечами Виктора Васильевича несколько длительных путешествий по Прииртышью, как одиночных, так и в составе различных экспедиций. В этом году увидели свет еще две его книги. Это сборник путевых очерков «Омская область: удивительная и прекрасная» (издана при содействии Министерства по делам молодежи, физической культуры и спорта Омской области) и сборник рассказов «Лошади лучше людей». К сожалению, вышли они ограниченным тиражом и на прилавки книжных магазинов не попали, во всяком случае пока. Этот пробел мы в какой-то степени и попытаемся восполнить.

Хотя очерки, вошедшие в книгу «Омская область: удивительная и прекрасная», были опубликованы в разное время в газете «Омская правда», впоследствии все они были существенно переработаны и дополнены автором. Именно в таком виде мы и хотим предложить один из них нашим читателям.

О чем эта книга? Как признается сам автор в предисловии: «Книга родилась из желания показать красоту и уникальность Омской области, одного из самых обширных сибирских регионов. Я всегда утверждал, утверждаю и буду утверждать, что на территории нашего края потрясающе интересных мест не меньше, чем в любой самой экзотической или дальней стране».

ПЛЕННИК ТАЙГИ

Года полтора назад услышал я от друзей-туристов, что живет где-то в северных лесах нашей области охотник, который тридцать лет не выходил к людям. За что он обиделся на человечество, никто не знает.

ТРУДНАЯ ДОРОГА К ОТШЕЛЬНИКУ

Да и узнавать вряд ли кто пытался. К нему по глухой тайге не один день идти надо. Только двое взрослых сыновей, которые не бросают отца, по зимнему снегу доставляют ему соль, сахар, муку, спички и аккумуляторы то ли для рации, то ли для спутникового телефона. Не желает отшельник, когда придет его последний час, остаться непогребенным. А возраст у него солидный - лет семьдесят или семьдесят пять, в общем, о вечном будущем пора задумываться.

И вот иду я по таежной поросшей травой дороге и веду в поводу тяжело груженый небольшой велосипед. Уже не ругаю себя за то, что взялся разрабатывать эту тему. Сил на ругань давно не осталось. Сказали бы мне раньше, что можно достичь состояния такого ступора, что укусов комаров и слепней не чувствуешь, никогда бы не поверил. Вымотался до последнего предела. А всего второй день в тайге. Летней, июльской тайге. Не зима, когда каждый хищник - враг.

Больше всего меня изводит то, что не знаю, где нахожусь. На лесных тропинках указателей пока еще не ставят, а навигаторы в нашем 2006 году пока не очень широко распространены (знаю, когда-нибудь их будет в каждом магазине на выбор, и я куплю себе один, но уже не для этого похода). По моим расчетам, я должен был давно пройти по улицам исчезнувшего села Быстрое или осматривать потемневшее от старости здание таежного аэропорта «Туйский», от которых до отшельника оставалось километров семь-восемь. Однако одно болото сменялось другим, а ясных примет, свидетельствующих о скором окончании пути, не появлялось. Сбился с дороги, другого объяснения, что за полтора дня не осилил около сорока пяти километров, у меня нет. Больше все же угнетает не страх потеряться в лесу, знаю, выйду. Меня давит чувство неудачи. Долго шел к этой трудной таежной дороге. Обидно полтора года искать человека, и когда до него оставалось рукой подать - заблудиться.

Наконец в моем самоедстве настал такой момент, когда я послал куда подальше и честь, и совесть, и долг российского журналиста. Упал на кстати подвернувшийся освещенный солнцем пригорок, дабы труп мой лежал на виду, и решил больше не подниматься. Знал, что под одежду и накомарник в считанные минуты наползут муравьи, кусачие рыцари леса, и начнут есть еще живого. Плевать! Потерявши голову, о волосах не плачут. Успокоился и заснул.

Здесь добавлю еще немного предыстории. Почти сразу же, как услышал об отшельнике, я принялся за его поиски. Опросил десятки человек, живущих в наших таежных районах. Никто о нем не слышал. А в июне счастье буквально привалило. Мне дали телефон директора Тарского сельского лесхоза Вячеслава Девятерикова. Вячеслав Владимирович сообщил мне сразу о двух кандидатурах из Тарского района на звание отшельника: Николае Саренко, обитающем в недавно опустевшей деревне Князевка, и мужике по прозвищу Алмаз, живущем на месте давно исчезнувшего гослеспромхоза «Туй». Алмаз на роль отшельника подходил больше - до него расстояние от ближайшего жилого села составляло примерно сотню километров. Причем последнюю половину пути можно одолеть либо на танкетке, если отправляться летом, или на снегоходе, если ехать зимой. Мою идею покорить таежную дорогу на велосипеде Вячеслав Владимирович, если выражаться мягко, воспринял скептически. Но всяческую помощь журналисту, который собирается писать о тайге, оказать обещал. И слово свое сдержал на все сто процентов.

Моя же идея с велосипедом, скажу в свое оправдание, лишь на первый взгляд выглядела бредом. В июле лесные тропки и колеи, оставшиеся от зимников, сухи и тверды. В жару, когда надо с собой брать кроме спальника, палатки, запаса еды еще и воды литров пять-семь, на колесном транспорте груз перемещать легче. Позвоночник и суставы не железные, сорвешь - не восстановишь. Мысль попробовать покорить тайгу на велосипеде у меня давно в голове засела. Теперь представился случай проверить ее на практике.

Екатерининская однопрестольная, построенная в 1909 году, после массового отъезда жителей деревни стала разрушаться.

16 июля в пограничном с безлюдной тайгой селе Атирке, откуда я собрался стартовать, меня взяли в оборот трое работников лесхоза: Владимир, Иван и Николай. Помогли собрать велосипед, разобранный для удобства транспортировки в автобусе, накормили и даже помогли сократить почти наполовину таежный путь. Чему я, надо заметить, слегка противился - подвига не получалось.

Нашлась мощная машина «Урал», доставившая меня до деревни Князевки, где среди глухой тайги в сорока-пятидесяти километрах от Атирки одиноко живет Николай Саренко, мой первый кандидат в отшельники. У этого человека некогда была очень бурная биография, связанная с воровской романтикой. Двадцать четыре года - его общий тюремный стаж. Чтобы оторваться от компании друзей и завязать с преступным ремеслом, он переехал жить в родную деревню. Сейчас они спасают друг друга. Она его от тюрьмы, а он, ее единственный житель, от окончательной смерти.

Последняя семья выехала из Князевки в 2002 году.

Чтобы завязать с уголовным прошлым Николай Саренко уехал в родную Князевку.

Одна из многочисленных болотин.

После ночевки в доме у Николая я отправился в самые глубины болотистой тайги. Николай Андреевич, обрисовав в общих чертах путь, все же советовал отказаться от мероприятия. Дорога к Алмазу ведет старая, заросшая, ответвлений много. Заблудиться - раз плюнуть. Не сумев меня отговорить, он дал мне в помощники свою небольшую собачку Раду, с которой как-то ходил к Алмазу. Дорогу должна помнить.

Начало пути было легче, чем можно было ожидать. Дорога для велосипедиста тряская, но все же километры бежали быстрее, нежели я двигался бы пешком.

Ехал без рюкзака, его оставил у Николая. Груз равномерно распределил между мешком со спальником и палаткой, привязанном на багажнике, и корзиной на руле. Потом случилась не то чтобы беда, так, мелкая авария, однако ставшая предвестницей крупных неприятностей. Развалилась корзина, которая висела на руле. В ней лежали три полуторалитровые пластиковые емкости, наполненные водой, и пакет с харчем. На рынке я ее покупал как алюминиевую, оказалось, что алюминия в ней немного. Больше пластика белого цвета. Грузовая центровка машины полетела к черту, ехать стало невозможно, и велосипед пришлось вести в поводу. Говоря точнее, тащить на себе. Потому что дорога спустилась с сухой гривы во влажную низину, где болотинки следовали одна за другой.

На влажной почве хорошо просматривались медвежьи следы, очень сильно похожие на следы снежного человека, как их показывают в фильмах. Сначала впереди меня, судя по отпечаткам лап, шел крупный медведь. Потом он куда-то свернул. Затем попались следы небольшого медведя. Как я определил скромный рост медведя? Так следы маленькие. Затем мой путь пересек медведь средних размеров, если, опять же, судить по следам. Я понимаю, почему медведи пользовались этой дорогой. Время от времени на ней попадались следы лосей.

Рада, весело носившаяся среди высокой травы, сразу же возвращалась ко мне и принималась жаться к ногам, как только в кустарнике вдоль тропинки начинало раздаваться потрескивание.

Присутствие косолапых, чего уж скрывать, нервировало. Мужики из Атирки, кто с недоумением, кто с жалостью, смотрели на меня, когда выяснилось, что в тайгу я отправляюсь без карабина. Легкий ужин для медведя. Нет, хозяин тайги ради забавы людей не трогает. Если умный. Но среди хозяев тайги попадаются не одни умные, дурных, как и среди людей, тоже хватает. Последних останавливает только пуля.

Особенно в душу запали слова одной симпатичной дамы из Атирки:

- Жалко мне его, Ваня, - сказала она мужу, поглядывая на меня. - Мужик-то вроде неплохой, а в лес без ружья пошел.

Действительно, чем я мог встретить медведя? Туристическим топориком да баллончиком с репеллентом против комаров. Плюс к этому у меня имелось еще одно оружие - психологическое. Я шел и громко декламировал 17-ю главу из поэмы Лермонтова «Мцыри». Специально для таких экспедиций в памяти берегу.

Я ждал. И вот в тени ночной
Врага почуял он, и вой
Протяжный, жалобный как стон
Раздался вдруг...
...И первый бешеный скачок
Мне страшной смертию грозил...
Но я его предупредил.
Удар мой верен был и скор.
Надежный сук мой, как топор,
Широкий лоб его рассек...

Чтение стихов меня успокаивало, а медведей, видимо, пугало (артист-то я еще тот), ни один из зарослей не вылез.

Часов в семь вечера случилась очередная неприятность - потерялась проселочная дорога. Из леса она выбежала на поляну километра четыре длиной. Две расплывчатые колеи зимника затянуло той же растительностью, какой было покрыто все остальное видимое пространство. Для поисков входа в лес мне пришлось бы обежать всю полянку вокруг. Несколько часов ходьбы, не приближающей меня к отшельнику. Наконец-то пригодился бинокль, без дела болтавшийся на груди. Мои глаза, усиленные оптикой, полчаса обшаривали границы леса и нашли-таки грань в тайге, куда ныряли драгоценные неведомо кем и когда проложенные колеи. Но та ли грань? Я до конца уверен не был.

Часов в восемь вечера, дополняя набор неурядиц, грянула гроза. Лило пару часиков. Мне больше, чем за себя, пришлось бояться за фотоаппарат и диктофон.

Примерно в одиннадцать вечера понадобилось форсировать болото шириной метров триста. Забегая вперед, скажу, что оно оказалось самым топким из всех встреченных мною. Видимо, здесь мучился не один я. Оно сплошь было завалено ветками, там и сям торчащими бревнами древней гати. Сорвавшись с одного из бревен, а шел без велосипеда, то была разведочная попытка, я впервые в жизни ухнул в трясину. Давно хотелось попробовать ощущение, когда болотная жижа, словно вакуум тянет вниз. Надеялся испытать его в каком-нибудь групповом походе, когда рядом находятся готовые прийти на помощь друзья. Но карты выпали по-другому. Хорошо, что был уставшим, поэтому почти не испугался, хоть и знал о беспредельной глубине тарских болот. Они даже за долгую сибирскую зиму до дна не промерзают.

Мой проводник Рада.

Минут через пять бестолкового барахтанья в топкой западне, а в тину ноги ушли, считай, полностью, взял себя в руки. Замер и начал размышлять. Как быть? Ситуация-то сложилась безвыходная. Едва начинаешь дергаться, погружаешься вниз. А вечно стоять без движения нельзя. В редакции очерк об отшельнике ждут. Решил пожертвовать сапогами. Упал на спину, ухватился за осоку, она крепко держится корнями, и вытащил ноги из сапог, а себя из трясины. Чуть помучившись, лежа животом в болотной жиже, достал и сапоги. Пригодятся еще. Почему-то огорчила такая мелочь, как грязь. Она меня покрывала с ног до головы. Вроде бы и плевать. Кто видит. А на душе все равно кошки скребли.

Решил возвращаться. С полчаса брел обратно, пока отыскал подходящее ровное место для палатки. Сильно угнетало, что удлиняю свой путь - завтра опять эти полчаса надо тратить. Знал, где-то рядом стоит настоящая охотничья избушка с запасом дров и берестой для растопки, мне о ней Николай рассказывал. Только как ее найти? Кто бы именно здесь и сейчас подсказал.

Палатку раскинул на сырой земле. Спал плохо - сквозь спальник холодило. Утром едва поднялся. Простыл. Собаке бросил кусок сала, сам есть не стал. Не до того: тело морозило, мозги туманило. В мешке лежала бутылка водки - подарок Алмазу. Организм шептал: «Налей 250 - все проблемы как рукой снимет». Искушение было велико, но удержался. За последние девять лет у меня во рту не было ни грамма спиртного.

Я - алкоголик, а эта болезнь пожизненная. Пить бросал тяжело. Некоторые из наркотической зависимости легче выходят. Наследственность подвела, в нашем роду лишь трое-четверо мужиков из каждых десяти умели пить умеренно - и нас почти не осталось. Дал множество обетов на тот случай, если все же когда-нибудь сумею обходиться без спиртного. Одна из моих клятв гласила: «Если завяжу с водкой, то ни при каких обстоятельствах не стану скрывать, что болен алкоголизмом». И я не помню, чтобы хоть раз ее нарушил. Мне дорого, чего уж увиливать от правды, обходится моя откровенность, но когда возникает соблазн промолчать, вспоминаю, как беспросветна и унизительна жизнь без меры пьющего человека.

В полутуманном сознании, глотая таблетки от простуды, я двигался до середины дня. Минералка закончилась, пил болотную воду. Когда тридцать градусов жары, то воду по чистоте выбирать не приходится. Потом свалился на тот самый открытый солнцу пригорок. От бессилия и неверия в себя. Я хорошо знаю свою скорость по грязи с велосипедом на руках - тридцать километров в день. Ходил, и не единожды. В любом случае я уже должен был осилить если не полста с небольшим довеском километров, что отделяли Князевку от Туя, то хотя бы сорок с лишним, и увидеть самые броские из примет. Например, здание заброшенного аэропорта. А его сквозь лес не просматривалось. Мою волю сковал испуг, что свернул с основной дороги и направился в абсолютно безлюдную тайгу. Судя по карте, человеческого жилья не имелось в радиусе трехсот километров. Тогда я и рухнул как подкошенный.

А в пять вечера поднялся. Отдохнувшим и снова поверившим в себя. Стряхнул муравьев, погладил опухшие от укусов лодыжки ног и запястья рук. И отправился жить. Нашел таежный ручеек шириной сантиметров десять, руками выкопал в его дне колодец. Странное в ручейке было то, что исчезал в земле. Ясно слышалось его уходящее под настил из рухнувших деревьев журчание, а продолжения не появлялось, за настилом шло сухое русло. Но это к слову.

Пока разжег костер, вода в колодце отстоялась до полной прозрачности. Вскипятил котелок воды и густо заварил. Выпил, нещадно закусывая конфетами, телу требовалась энергия. Опять повесил на перекладину над костром котелок с водой. Опять заварил, подождал, пока вода остынет, и разлил по бутылкам.

Снова - болотинка за болотинкой. В первом часу ночи, углубившись в лес метров на тридцать от дороги, с трудом поставил палатку и мокрым от пота залез в спальный мешок. Сперва морозило, потом потеплело. Я лежал на земле, хорошо прогретой за день солнцем.

Строил планы на завтра. Решил бросить на месте ночлега все, кроме воды, и налегке пройти пару часов. Если выйду к Алмазу, значит, выйду, если нет, значит, заблудился. Пойду назад. Обратную дорогу найду по своим меткам, не зря же через каждый час пути привязывал к веткам деревьев ленточки бинта. Белые - на зеленом фоне заметны издалека. Меня беспокоила Рада. Продукты кончались. Мой организм без большого дискомфорта три дня может обходиться без еды, а собака и дня не продержится - замучит жалостливым воем.

Около трех часов ночи услышал автомобильный гул. Посчитал, что комары гудят. Когда их много, они гудят очень похоже на машину. Потом услышал лязг гусениц и понял: идет танкетка. Выходить из леса, не выходить? Непонятно, кто едет. Решил рискнуть, а что я теряю?

Оказалось, знакомые мужики из Атирки. Поехали на таежные озера щук спиннингом ловить. К Алмазу завернут обязательно. Пока я с рассказами о своих опасениях потерять дорогу загружался в танкетку, они подтрунивали над моими страхами. Мол, горожанина на сельский большак пусти, он и на нем умудрится заплутать. В душе я несколько позлорадствовал, когда спустя полчаса, мы, вернее - они, сбились с дороги. Но на танкетке исправлять путевые ошибки проще, нежели

Юный участник «ралли» на танкетке по тайге.

пешком. Уперлись в тайгу? Нет проблем - крутой разворот на месте и погнали обратно.

Это были веселые ночные гонки в ярком свете фар и страшном грохоте гусениц. Мужики сидели на кабине, на краях кузова, со смехом уворачивались от веток, свисающих как будто с самого черного неба. Если кто не успевал - припечатывало крепко. Знаю, проверено на себе. Когда же дорогу преграждал ствол упавшей березы или осины, то кто-нибудь из нашего экипажа хватал топор и несколькими ударами перерубал дерево.

-Хо-р-о-ш-о-о, - орал в полный голос одуревший от первобытной воли мой сосед, мужик лет сорока. И я был с ним согласен.

Но грусть в уголке души таилась. До Алмаза, как объяснили мне, я не дотянул всего километров десять-двенадцать. Никому теперь не похвалишься, что один в незнакомой тайге по почти незаметным от вековой давности колеям одолел полста километров и не сбился с пути.

Спустя пару часов, около пяти утра, мы помчались по какой-то гриве, потом резко остановились перед единственной на ней избушкой.

- Алмаз, встречай гостей, - вразнобой закричали мои спасители. - Хватит спать. Ставь на стол закуску. Мы водку привезли.

Из избушки, чуть сутулясь, вышел бородатый мужик и, вопреки моим ожиданиям, вовсе не богатырского телосложения. В его поведении не было ни радости, ни огорчения. Я немного разочаровался: он как-то неправильно для отшельника, совершенно без эмоций, встречал гостей.

Виктор ГОНОШИЛОВ
Фото автора

(Продолжение в следующем номере).

Вкуснее этих лепешек я ничего не ел.

ПЛЕННИК ТАЙГИ

ОЧЕРК ИЗ КНИГИ ВИКТОРА ГОНОШИЛОВА «ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ: УДИВИТЕЛЬНАЯ И ПРЕКРАСНАЯ»

(Продолжение. Начало в № 47 (942) от 28 ноября 2012 года).

Как-то услышал я от друзей-туристов, что живет где-то в северных лесах нашей области охотник, который тридцать лет не выходил к людям. За что он обиделся на человечество, никто не знает.

СЛАДКАЯ ЖИЗНЬ

Мужики весело суетились у стола, стоявшего на полянке перед избушкой. Доставали снедь из сумок. По их поведению не чувствовалось, что они общаются с человеком, несколько десятилетий не видавшим людей.

- Алмаз, мы ж у тебя в гостях, почему на стол ничего не ставишь?

- Уху и лепешки - хоть сейчас, но они холодные, - без всякого чувства вины в голосе оправдывался бородатый хозяин. Потом сам перешел в шутливое наступление. - Кто же так рано в гости ездит? Порядочные люди еще спят.

- Так то порядочные, - отвечали бородачу в том же шутливом духе.

Я присматривался к Алмазу. В Омске мне говорили, что ему около семидесяти пяти лет, из них тридцать он не выходил к людям. На вид ему было лет шестьдесят-шестьдесят пять, но никак не семьдесят пять.

...Мужики, прощаясь, по очереди тепло жали мне руку. Я с грустью посмотрел вслед уходящей танкетке. Отныне мне придется жить здесь: на берегу реки Туй, где когда-то стоял поселок с одноименным названием. Сейчас здесь двое отшельников: Алмаз и я. Гуляя между холмами, покрытыми иван-чаем, так выглядели заросшие высокой травой бывшие дома бывшего леспромхоза «Туй», опасливо думал, а сложатся ли по-человечески мои взаимоотношения с нынешним хозяином этих владений.

Взаимоотношения, вопреки опасениям, сложились великолепные. Алмаз не надоедал, не нависал над душой. Говорил мало, зато искристо - на чистейшем матерном языке. Я без труда влился в новую для себя языковую среду. Размышляя о той легкости, с какой ее освоил, пришел к важному научному выводу. Мат, это не остатки языческих боевых заговоров, приверженцем этой версии я являлся до поездки на Туй и одну статью о том даже опубликовал, а прарусский язык. Он у нас в генах. Иначе разве мог бы так быстро освоить его человек, который в своей обыденной жизни за год употребляет его не чаще двух-трех раз. И то ради эпатажа.

Наша жизнь с Алмазом текла неторопливо и сладко, словно у мухи, застрявшей в сахарном сиропе. Само собой сложилось распределение труда. Часов в шесть утра, нырнув в облако комаров, я выходил из избушки. Растоплял уличную печь и варил чефир. Мы его пили за неимением кофе. В литровую кастрюльку с водой бросал пять столовых ложек сахара и четверть стограммовой пачки чая.

Алмаз стряпал лепешки к утреннему чаепитию, заодно беспощадно крыл червяков (он уже где-то успевал копнуть лопатой), которые от жары ушли глубоко в землю. От наличия дождевых червей зависело, будем мы сыты в этот день или нет. Нет, мы не питались червями. Мы питались рыбой, но она на крючок без наживки не ловилась.

Лепешки Алмаз стряпал по незатейливому рецепту: смешивал в кастрюле воду, муку, соль и соду, затем содержимое выливал на сковородку, увлажненную растительным маслом. Мне нравились лепешки Алмаза. Вкуснее их я в своей жизни ничего не ел.

Взбодрившись крутым чаем, мы отправлялись за добычей. Берег реки Туй, с которого мы забрасывали удочки, находился примерно в километре от избушки. Тут же, на берегу, если не сумели накопать червей рядом с избушкой, рыхля ветками поверхностный слой ила, общими усилиями (и с большим трудом!) добывали пять-восемь червей. Их нам хватало, чтоб выловить два десятка крупных чебаков и окуней. От мелочи мы избавлялись. Алмаз бросал ее обратно в реку, а я баловал собак. У нас их было две: Пальма Алмаза и привезенная мною Рада. Говоря прямо, мой товарищ, не имеющий биологического образования, поступал правильнее, чем я, окончивший когда-то аспирантуру по курсу ихтиологии. Ибо рыба, заживо съеденная собаками, - прямой путь к распространению описторхоза. Неприятной общей болезни для рыбы и людей, ну и собак, естественно. Я знал, что делаю неправильно, но удержаться не мог. Уж слишком жалостливыми глазами смотрели на меня собачки.

Как-то во время рыбалки Алмаз рассказал о своей встрече с медведицей неподалеку от места, где мы удили. Идет он по тропинке - навстречу два медвежонка катятся. Повернуть бы назад, Алмаз ведь знал, где-то рядом шествует их мамаша, но лень. Прикрикнул на медвежат, мол, валите отсюда, - не слушаются. До них оставались считанные метры, когда из кустов рядом с тропинкой выскочила медведица. Он ее видел секунд пять, за столько времени она пронеслась от кустов до тропинки. Алмаз, призвав на помощь всю имеющуюся в наличии храбрость, не двигался. Медведица с размаху ударила лапой в бок человека, сердито заворчала на медвежат. Не оглядываясь, пошла по тропинке, за ней следом засеменили медвежата.

- Алмаз, - усомнился я, - медведь одним ударом лапы собирает ребра у коровы. Мне приходилось видеть такие раны. Как же ты живым остался?

- Она когти не выпустила. Почему? Не знаю. Может, просто медвежатам меня показывала, чтоб человека боялись.

Потом он немного порассуждал об уме медведей, об их пронзительном взгляде, который Алмаз чувствует кожей. «Наверное, я уже сам постепенно зверем становлюсь», - тихо, почти шепотом добавил он.

Наловив примерно с полведерка рыбы, обычно в течение часа, мы возвращались домой. Предварительно одного чебака насаживали на жерлицу в качестве приманки для щуки. Я внутренне страдал, потому как жерлица - запрещенное орудие лова, Алмаз же об этом просто не знал. Я его так и не просветил. Однажды повезло - мы выловили хищницу пару килограммов весом.

Алмаз чистил окуней и чебаков, варил нам уху из рыбы, а собакам - похлебку из рыбьих потрохов, добавив в последнюю чуток комбикорма. Я перед завтраком мыл оставшуюся после вчерашней трапезы посуду, кипятил чай из дикоросов. Каждый раз его я заваривал по-новому. В различных пропорциях совмещал иван-чай, белоголовник, смородиновый и малиновый лист, добавлял кусочки чаги.

Алмаз к моим экспериментам относился снисходительно - ему травяные чаи от частого употребления поперек горла стояли, он давно перестал различать их по вкусу. Я же пил с удовольствием.

Позавтракав, мы уходили в избушку. Чтоб скрыться от комаров. Лежа на кроватях, читали старые газеты и журналы. Алмаз читает много. Каждый, кто отправляется к нему в гости, обязательно захватывает связку газет или журналов. Порой привозят Алмазу и книги. Он в чтиве крайне не разборчив. Среди его книжного развала я находил даже справочник по продаже недвижимости и какой-то учебник по зоологии. Газеты, книги и журналы у него сложены на редкость аккуратно. Должен отметить, обилие прочитанной литературы не сильно сказалось на словарном запасе.

Отдохнув, часов в двенадцать мы опять трапезничали. Алмаз, пообедав, обычно говорил: «Жара. Надо охлонуться» и снова шел в избушку. Потом - полдник, ужин. Потом утро - и опять все так же, как вчера. Рыба и уха, простояв целый день на уличном столе, совершенно не портились. Не появлялось даже легкого неприятного запаха. Видимо, микроорганизмы, специализирующиеся на вареной пище, в воздухе над Туем не обитали.

Собаки, к моему удивлению, ни разу не залезли на стол, чтоб полакомиться оставленной без присмотра рыбкой. В тайге этикет псам преподают без затей, но результативно.

Надо сказать, что наше сидение в избушке было вынужденным. В июне и июле кровососы в тайге работают по принципу круглосуточного конвейера. Ночью и утром над тобой изгаляются комары, в десять дня им на смену приходят пауты, часов в шесть наступает время мошек, в десять-одиннадцать вечера на вахту опять заступают комары. Алмаз говорит, что если бы всю кровь, что у него выпили кровососы, направить в больницу, то можно было спасти не одну сотню жизней. Более или менее терпимый промежуток - с одиннадцати до двух часов дня.

Наловив с полведерка рыбы, мы возвращались домой.

Двухкилограммовая хищница попалась на жерлицу.

В это время можно было погулять, не опрыскивая себя репеллентами. Я бродил по бывшему поселку, уходил купаться или плавал на лодке по озеру. Озеро - бывшая старица реки - они лежат край в край. На его берегу Алмаз поставил свою избушку.

Через пару суток такого существования у меня открылся острый приступ совестливости: «Два дня безделья. Два дня выбросил из жизни». Я, изнасиловав душу, достал диктофон и приступил к следствию по делу «Алмаз и село Туй». Остро, как никогда раньше, почувствовал подлость своей профессии. Не потому что напишу неправду, я напишу правду, но свою правду, так, как вижу ее я. А Алмаз может видеть ее по-другому. И что получится? А получится, что он пустил в свою душу человека, всем сердцем привязался к нему, там, в одиночестве, в тайге, это происходит быстро, а этот человек взял и оболгал его.

ДОРОГА К ТАЕЖНОМУ ОДИНОЧЕСТВУ

Свое прозвище Алмаз, а оно идет с ним по жизни едва ли не с рождения, получил из-за фамилии - Алмазов. Жителя тайги на берегах Туя, если следовать паспорту, зовут Николай Николаевич Алмазов. Из казаков. Родился 28 декабря 1950 года в казачьей станице Червонная Ставропольского края. Второй сын в семье сельского бригадира.

В Омск приехал учиться. Сибирь понравилась, когда гостил у старшего брата, который до сих пор живет в одном из пригородов Омска. Окончил 46-е училище. Получил специальность слесаря-монтажника нефтехимического оборудования.

Остатки цивилизации на речке Туй.

В Туе у Алмаза сгорело уже два дома. Эту небольшую избу ему помогли построить друзья-промысловики.

По профессии работал недолго. Отчаянно влюбился в девушку из Тары: в самом старинном городе Омского Прииртышья молодые дамы всегда отличались особой притягательностью, против которой почти невозможно устоять. Сразу же отправился вслед за милой. А любовь, на удивление, быстро угасла. Но в Омск Николай возвратиться не успел - призвали в армию.

Отслужил выше всех норм и сроков - три с половиной года. Службу проходил во Вьетнаме, в роте саперов. Советскую базу минами от врагов прикрывал. Домой старшине Алмазову хотелось страшно, а его не отпускали, мол, такого классного специалиста заменить некем. Он было собрался остаться во Вьетнаме сверхсрочником, или, говоря по-современному, контрактником, но залетел в самоволке. Ходил на свидание к местной девушке. Не он один из состава военной базы встречался ночной порой с юными вьетнамками, но попался именно он, человек, который для себя и своих боевых товарищей тропинки в минных полях открывал. Его, пока не пронюхало о таком вопиющем нарушении устава высшее командование, что грозило бы трибуналом, быстренько отправили домой.

После демобилизации Алмаз опять оказался в Таре. Устроился в бригаду осетин - они коровники в северных районах нашей области строили. Те видят, парень спокойный, миролюбивый, позвали жить в свое село в Южной Осетии. Новая любовь. По уже сложившейся традиции - ненадолго. Правда, на этот раз виноват не холод в чувствах, а рок. Николай женился на осетинке, сестре своего бригадира. Местные парни брак между осетинкой и русским сочли национальным унижением коренного народа. На выбор предложили два выхода: уезжать или стать однажды инвалидом. Жена не отпускала супруга обратно в Сибирь, охраняла - ходила с ним по деревне. В конце концов, такая жизнь надоела обоим. Дочку она родила уже без него.

Летом 1976 года Алмаз вернулся в Тарский район. И опять влюбился. И ему опять сказали: «Да».

Добавлю, что мужчиной, в которого влюбляются женщины, Николай остается и сейчас, когда уже перевалило за пятьдесят пять. К нему одна тарчанка до сих пор приходит - два дня пешего пути по тайге после того, как от последнего шаткого мосточка повернет назад нанятая машина. Иногда женщину сопровождает брат. Иногда одна прибегает, чтоб пожить у Алмаза летом месяц-другой. Так что же в нем такого особенного, что заставляет дам совершать ради него дальние героические переходы? Думается, незлобивость. Есть такое понятие «внутренняя доброта». Так вот, Алмаз ею просто пропитан. Весь. И насквозь.

В том далеком 1976 году любовь привела его в гослеспромхоз «Туй». Когда люди, знающие Николая, рассказывают о нем, то начало срока его отшельничества и ведут от того года. Дата близкая к истине, но все-таки не истинная. Леспромхоз существовал до середины восьмидесятых. Предпоследний житель уехал году в восемьдесят шестом или восемьдесят седьмом. Алмаз за все годы жизни на берегах реки Туй лишь несколько раз покидал свою новую малую родину. Ездил не дальше Тары: или в больницу, или документы какие-нибудь оформить, если возникала такая нужда.

Жена погибла в 1982-м в глупой аварии. Перевернулась тракторная тележка, на которой ехали рабочие леспромхоза. Общих детей у супругов не случилось. После нее же остались две девочки: 12 и 14 лет. Николай, сколько мог, помогал падчерицам. Окончив по восемь классов, они, сначала одна, потом другая, поступили в тарские училища, вышли замуж и проведывать отчима перестали. Да и как нему попасть? Поскольку людей в селении не осталось, значит, машины туда не идут и с оказией не доберешься. Был бы он им родным отцом, встречи бы, конечно, случались, а так... Отчим.

Вообще поселок Туй, по словам Николая, просуществовал недолго. Заселили его в начале пятидесятых. Брали из тайги все: от леса до ягод. Дорог и тогда хороших не было. Рядом стоял сельский аэропорт. На АН-2 летали в Тару и Омск. К началу перестройки поселок уже почти опустел.

А Николай уезжать не стал. Помотался за свою жизнь, хватит. Его, последнего работника леспромхоза, назначили лесничим. Должен же кто-то охранять деляны строевого леса. Алмаза должность устраивала. И устраивает до сих пор. Он даже не понимает, что уже превратился в легендарную личность. Своей славой охраняет не только лес - вообще всю живность в округе. Кто попало в эти дикие места не суется. Люди, не знающие близко Алмаза, его побаиваются. Впрочем, и для хорошо его знающих он человек-загадка. Кто может предвидеть, что выкинет мужик, который в одиночестве прожил в лесу больше двадцати лет. Зимой к нему заезжают лесозаготовители, которым надо отвести деляну. Сам же Алмаз за последние двадцать лет один раз покидал тайгу. Хотел съездить к брату в Омск. Добрался до Тары - и повернул обратно. Не выдержал трудностей пути. Народа много. Толкотня. Шумно.

Между тем, и в Туе судьба к Алмазу не очень милостива. Он потерял уже два дома. Первый по простоте душевной. Объявились как-то в пустынном Туе двое бродяг, лет по 20 у каждого тюремного опыта за плечами. Николай их пригрел. Как-то возвращается из леса, а вместо дома - дымящиеся угли. Из квартирантов жив только один. Напарник в огне погиб. Что между ними произошло - сейчас уже никто не узнает.

Второй дом Николая сгорел весной два года назад. Стоял он в низинке. Река в половодье вышла из берегов. Дом слегка подтопило. Как рассуждает сейчас Николай, вода, скорее всего, подмыла основание кирпичной печки. Труба перекосилась. Растопил утром печь - немного погодя потолок пламенем взялся.

Нынешнее его жилище - небольшая изба. Квадратов двадцать. Избу помогли построить друзья-промысловики. Бросил клич - собрались к нему летом на неделю. Мебели немного: две кровати и две кухонные тумбочки. Складывать в тумбочки нечего. В пожарах все потерял.

Но судьба, наказывая в одном, помогает в другом. Однажды чистая случайность помогла Николаю сохранить жизнь. Занимаясь лесными делами, неглубоко поранил руку. Она загноилась. Злая влага пошла между мышцами - рука распухла до неимоверных размеров. По примеру героев прошлого он решил сам себе сделать операцию. Помощи ждать неоткуда, у него ж ни рации, ни спутникового телефона; из всей электроники - старенький транзистор. Для дезинфекции и обезболивания решил использовать самогонку, бутылку которой оставил кто-то из гостей. Собирался нож раскалить на огне, чтобы прокол в коже был стерильным. Пока то ли примеривался, как лучше сделать операцию, то ли оттягивал ее из страха, ведь не ясно, чем закончится, видит - вертолет перед окнами садится. Пропал дорогой метеорологический зонд, и «вертушку» отправили на его поиски. Вертолетчики в избушку Николая за справкой зашли, вдруг этот лесной житель заметил что-нибудь. Когда же увидели положение хозяина, то без лишних уговоров заставили сесть в машину. Летели они по утвержденному маршруту, который лежал через Тевризский район, там Николая и высадили. Ему в районной больнице удачно сделали операцию. Главврач, узнав поподробнее судьбу пациента, предложил остаться рабочим в больнице, сторожку на территории в качестве жилья предлагал. Николай отказался. Предпочел вернуться в свое таежное одиночество.

- Знаешь, я как в плену у тайги, - откровенничал он, - и рад бы вырваться, да не могу. Не отпускает.

Виктор ГОНОШИЛОВ
Фото автора

(Окончание в следующем номере).

ПЛЕННИК ТАЙГИ

ОЧЕРК ИЗ КНИГИ ВИКТОРА ГОНОШИЛОВА «ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ: УДИВИТЕЛЬНАЯ И ПРЕКРАСНАЯ»

Как-то услышал я от друзей-туристов, что живет где-то в северных лесах нашей области охотник, который тридцать лет не выходил к людям. За что он обиделся на человечество, никто не знает.

Окончание. Начало в № 47 (942), 48 (943) от 28 ноября и 5 декабря 2012 года).

ОТ ДОБРА ДОБРА НЕ ИЩУТ

Почему же он не желает жить среди людей, поселившись в какой-нибудь деревне? Ответ на, казалось бы, простой вопрос найти было не просто. Долго мы с Алмазом мусолили эту тему, возвращаясь к ней вновь и вновь.

Николай может в одиночку пойти на медведя, завалить сохатого, разогнать стаю волков. Он очень сильный психологически человек. Сильный - как таежник. Зато как социальная личность, как обитатель социума он - крайне слаб. Такой пример. Известно, что собаки подчиняются в первую очередь главному вожаку стаи. Его Пальма на второй день после моего приезда выполняла только мои приказы, хотя я не демонстрировал ни силы характера, ни воли. Собака на уровне инстинктов чувствовала, кто психологически мощнее.

Николай совершенно не умеет противостоять скрытой человеческой агрессии: хитрости и подлости. Он живет по учению Карнеги: относись к человеку с добром, он тебе отплатит тем же. Николай, а я пробыл у него четыре дня, старался все это время сделать для меня приятное: положить на тарелку лучшую рыбину, показать куст малины, где раньше созревает ягода, сходить за молоденькими грибками. В его поступках не было угодливости - в нем просматривалось только желание делать хорошо человеку, живущему рядом. Из того, что у него есть, последнее готов был отдать.

А ведь мир со дня творения живет не по Карнеги, а совершенно по другой системе - системе Чарльза Дарвина. Согласно ей, выживает самый приспособленный. Не берусь судить об остальном мире, но среди нас, русских, бесхитростно-добрые наиболее часто становятся и самыми уязвимыми.

Речь не идет о высших политических сферах с их многоходовыми интригами. Речь идет о простых, обыденных ситуациях. Представим, что поселится Алмаз в какой-нибудь деревушке. Кто к нему первыми дорожку протопчут? Местные пьяницы. Они к любым новоселам первыми идут. Но другие умеют указать на дверь. Алмаз не сумеет. Не так характер формировался. В тайге любому путнику рады, здесь даже собаки на чужих не лают. И начнется в доме бедлам. В ходе которого Алмаз однажды падет смертью пьющих.

Не потому, что пьяница и алкоголик, а потому что от рюмки отказаться не сумеет. Он редко выпивает. Обычно с гостями. Бывает, по полгода живет, не видя человека. Его гости - рыбаки, охотники, лесозаготовители - люди занятые. Они с собой бутылку водки везут в качестве доброго гостинца: где отшельник в тайге водку возьмет? И отношение у Алмаза к водке как к гостинцу. Нельзя отказываться, надо посидеть за столом с гостем, пусть порадуется, что не зря вез подарок. Он также отнесся к конфетам, которые у меня остались с дороги. Я мешочек с ними сунул в избушке за занавеску над печкой: так за дорогу надоели, глаза бы на них не смотрели.

- Виктор, а чего мы чай с сахаром пьем? - с улыбкой поинтересовался Николай. - Ты ж конфеты привез.

Алмаз знает себя, свои привычки. Он не отворачивается от суровой правды жизни. Он говорит, что если бы жил так же близко от людей, как живет его приятель Николай Саренко в деревне Князевке - всего на расстоянии 40 километров от ближайшей деревни, то даже и не знает, что бы с ним уже сталось. У того-то мужики бывают чаще, и водки больше везут.

Есть у него план, когда выйдет на пенсию, когда совсем ослабнет здоровьем, купить небольшой домик в деревне рядом с Иртышом или большим озером. Не мыслит жизни без рыбалки. Пока же лесник в этих местах нужен, он никуда срываться не намерен. От добра добра не ищут.

Думаю, что некоторые из читателей уже задаются вопросом, а не слишком ли автор романтизирует своего героя, называя того отшельником? Какой он отшельник, если несколько раз в году людей видит и даже водку иногда пьет?

Что я могу ответить? В нашем представлении отшельник - это человек, который вообще не вступает с людьми в контакт. В истории человечества подобных случаев зафиксировано едва ли больше десятка. Это собратья Робинзона Крузо, волей стихии выброшенные на необитаемые острова. Все остальные, кого мы привыкли называть отшельниками, покидая общество людей, от связей с ним, однако, полностью не открещивались. Посвящая себя Богу или иной высокой идее, самые известные из них с людьми встречались, пожалуй, почаще, чем Алмаз. А почетное звание «отшельник» носили.

Разница между робинзонами и отшельниками заключается в том, что первые в изоляцию от людей попадают по воле слепого случая, поэтому свое житье на острове или среди непроходимых болот воспринимают как злосчастную тюремную жизнь. Отшельники же в долгую разлуку с людьми уходят по собственной воле. По зову чувства долга или из-за характера. Они свое бытие воспринимают как естественный, самим человеком выбранный способ существования.

У Николая ярко выраженный характер отшельника. Он не желает насиловать свою душу в угоду живущим табором. Его выбор одинокого обитания в тайге - осознанный выбор. Он человек-одиночка. Есть такие люди - генетически запрограммированные на одиночество. Николай из их числа. Такой пример. Он берет меня в лес, чтобы показать, как проводит рубку ухода за искусственно высаженными соснами и лиственницами. Под присмотром Николая находится 200 гектаров лесопосадок. Их быстро затягивает березняком и талом. «Сорняки» надо вырубать.

Как обычно идут люди вдвоем? Рядом. Чтоб поговорить. Николай же сразу устремляется в отрыв, опережая меня метров на двадцать. На такой дистанции мы проходили по нескольку километров. Ему одному комфортнее. Ходит он почти бесшумно, что мне мешало. В лесу я часто его терял: не слышно и не видно. Лесопосадками, кстати говоря, гордится:

Под присмотром Николая находится 200 гектаров лесопосадок. Их быстро затягивает березняком и талом.

- Может быть, это единственное, что я оставлю после себя людям.

Правда, есть одна черточка в поведении Николая, которая все же отличает его от литературного образа отшельника. Он свою одинокую жизнь в тайге не считает подвигом, он ее считает благом. Алмаз знает, что среди людей ему пришлось бы гораздо труднее, чем одному в тайге.

В СОГЛАСИИ С ПРИРОДОЙ

Гнуса на берегах Туя много, зато людей мало. Красота редкая. Все семицветье радуги открывается перед человеком. Белый цвет - поля белоголовника, желтый - крапинки кувшинок на озере, красный - бузина, синий - заросли иван-чая, коричневый - вода на озерах и в реке Туй, а зеленый цвет повсеместно властвует. После первого же дня жизни у Алмаза я нашел потерю, которая случилась еще в отрочестве. Я снова начал видеть сны. Сочные, цветные, яркие, запоминающиеся.

- Николай, - поинтересовался я, - а ты замечаешь красоту, в которой живешь?

- Как же ее можно не заметить-то? - ответил он вопросом на вопрос.

Река Туй, на берегах которой обитает Алмаз, самая длинная из внутренних рек Омской области. Об этом почему-то нет сведений в местной литературе по географии. 507 километров течет она среди северных болот нашей области. И ширина нешуточная. В устье до 120 метров, а там, где стоит изба Николая, даже летом - метров 40-50. Весной русло снеговой водой питается, а летом ключи и болотные ручьи не дают ему пересохнуть. Бывшие жители, в том числе и Алмаз, разъехавшегося одноименного поселка Туй когда-то по реке сплавляли заготовленный лес. Топляк с той поры лежит на дне и мешает купанию по прихоти судьбы попавшего сюда горожанина. Зато в реке много рыбы. Когда впервые попадаешь в безлюдные лесные края, сразу же обращаешь внимание, как богата природа, если рядом нет человека. И как много она дает выбора.

Свою избу, чтоб весеннее половодье не топило, Алмаз, как уже упоминалось, поставил на высоком берегу озера. В центре озера - остров, покрытый высоким густым таинственным лесом. Невольно вздохнешь - вот бы где детство провести.

Клады бы поискать.

Здесь все красивое и вкусное рядом. От избушки в сторону тайги тянутся холмы, заросшие малиной и иван-чаем. Места бывших подворий. Есть и заросли красной смородины. Мы с Николаем отправились полакомиться кисленьким, а медведь нас уже опередил. Пришли к голым кустам.

Николай дарами леса особенно не пользуется. Он предпочитает рыбу. Ее заготавливает на зиму. В начале ноября, после первых морозов, ставит в озере и реке сети. Недельного улова, который сохраняет от порчи сибирский холод, хватает до весны. А еще в качестве зимних припасов ему в счет зарплаты забрасывают на танкетке по несколько мешков картошки, сахара, муки, а также флягу квашеной капусты и ведро соленых помидоров.

Раньше Николай вел полновесное крестьянское хозяйство. Но с возрастом, чем меньше у него оставалось сил, тем больше оно скукоживалось. Сейчас и огорода нет. Пожар сильно подкосил - погибли все семена. Есть еще одна трудность для возделывания овощей - нехватка воды для полива. Берег озера, на котором стоит изба, очень высок и крут. Даже пару ведер вынести непросто.

К тому же, я думаю, жизненные соки из Николая вытягивает тайга. Мы, живущие в городе, привыкли к природе рафинированной, побежденной, поэтому мягкой и доброй. Угодливой, правдиво говоря. А дикая природа агрессивна.

- В лесу жить не страшно, - рассуждает Алмаз. - Я двери на ночь никогда не закрываю. Нет зверя, который бы не боялся человека.

Но почему же он выглядит на 5-10 лет старше своего возраста? Почему так быстро стареет? При его-то стопроцентно спокойной жизни? Да потому что постоянная необходимость быть настороже, держать заряженное ружье наготове, все же изматывает.

А покинет, не дай бог, Николай свое место - и сразу тысячи квадратных

километров тайги станут безлюдными. И беззащитными. Перед огнем. Перед злыми людьми. Последних отпугивает не сам Николай, а его слава сурового и беспощадного отшельника.

Опыт Алмаза - бесценный опыт. Его не журналистам, его профессиональным ученым исследовать надо. Алмаз давно научился жить в естественном согласии с природой, чего всему человечеству не хватает. Такой пример. Мы каждый день добывали себе пропитание с помощью удочек, а могли бы поставить сеть. Идею озвучил я, а Николай воспротивился. Куда девать излишки рыбы? Гноить? Так это ж дурость.

Он хорошо знает лес в округе на несколько десятков километров. Собственно, это его профессиональные обязанности. Он должен систематически обходить свои владения, чтобы вовремя заметить браконьерские порубки или следы пожаров. В нем удивляет другое: наблюдательность. Пора книги по биологии писать. Ему бы свои знания на корысть обратить. Ловить зверье, давить, стрелять. Никого ж рядом. А он по-своему законопослушен. Предпочитает заключать официальные договоры на добычу пушного зверя.

Об уме зверей говорит с уважением. Заслушаешься, как рассказывает о подготовке капканов. Потому что зверя обхитрить не просто. На лисицу капкан ставят под след - подрезают его или подкапывают. Минут двадцать, чтоб убить все запахи, капкан надо кипятить. Обоняние у зверя острое. Снаряжать ловушку надо в чистых, только что выстиранных голицах. Рукой к железке прикоснешься - зверь запах учует и уйдет с тропы.

А на соболя вываренный в пихтовой хвое капкан ставится на дереве. В полутора метрах от земли. Чтоб мыши шкурку пойманного зверька не попортили. Здесь требуется особое искусство: и как от снега капкан прикрыть, чтоб сторожок не сработал, и как приманку над капканом повесить.

Да, кстати говоря, в тайге вдоль автомобильных трасс, я специально расспрашивал охотников, для поимки зверя капкан не надо кипятить - привык зверь к запахам современной цивилизации. Ржавым железом не испугаешь.

Когда разговариваешь с промысловиками-охотниками, включая Николая, неожиданно для себя узнаешь о существовании двух категорий добытчиков, с предубеждением относящихся друг к другу.

Одних можно назвать «капканщиками», а других - «охотниками из-под собаки». Каждый всячески нахваливает свой клан. «Капканщик» обязательно поведает, сколько терпения, сколько наблюдательности надо иметь, чтобы удачно расставить ловушки. А охотник, сторонник добычи зверя с собакой, будет зажигательно рассказывать, что этот вид охоты - самое мужское занятие в мире. Потому что настоящее единоборство. Добить медведя, пойманного в петлю, всякий сумеет. А ты попробуй ему, поднятому из берлоги, в глаза посмотреть. И чтоб он глаза отвел, а не ты. Охота с собаками хороша еще тем, что это действо продолжительное, требует такта, предвидения и дальнего планирования. Надо по способностям, по родословной уметь подбирать псов, натаскивать учебными походами в тайгу, самому учиться по голосу узнавать, травлю какого зверя начали твои питомцы. О последнем говорят как о само собой разумеющемся факте: «Слышу по голосу, лося гонят» или: «Бегу на лай, тороплюсь, собака соболя на дерево загнала. Он меня долго ждать не станет». Замечательный вид охоты, но собаки сгорают быстро. А хорошую найти не просто.

Алмаз относится к «капканщикам». Собак у него подходящих нет. Трудно выживать собакам Алмаза. Его самого таежные хищники не трогают, а собак, если те чуток зазеваются, не щадят.

И диких зверей жизнь не щадит. Почему-то грустно слушался рассказ Николая об одиноком волке. Ассоциации, что ли, навевал. Повадился зверь ходить к дому Алмаза, пока тот на охоте. Мужик вернется - видит, помойка волком разворошена. А почему - понять невозможно, лапы-то у того - будь здоров, ладонью не закроешь. Ему бы лосей гонять, а он на помойке картофельными очистками питается. Раз Алмаз вернулся, а волк, здоровущий, у помойки, растянувшись, лежит. Умер голодной смертью старика - обломанные клыки не позволяли брать добычу силой.

Зато по-другому, весело и иронично, Николай рассказывал, как лоси летом от оводов спасаются. Эти насекомые под шкуру животных личинок откладывают, которые потом достают лосей зудом изнутри. Сохатые, защищаясь от напасти, лезут в речки и озера. Только уши на поверхности торчат. Даже воздух выдыхают в воду, чтобы голову лишний раз не поднимать. Сутками на берег не выходят, питаясь водорослями и кувшинками. Лодка моторная мимо идет - ноль внимания. Оводы страшнее.

Владения бобров.

В ГОСТЯХ У БОБРОВ

Километрах в четырех от избы Алмаза находятся владения бобров. Он рассказывал, как ставил сети в их пруду. Естественно, что я уговорил таежника сходить в гости к жителям прудов.

Плотина у бобров красивая. Вода за ней зеркальная, не колыхнется. Ощущение, как будто попал на тихий заросший деревенский пруд. А по берегам беспорядок редкий. Вряд ли бобры так умны, как пишут о них в научно-популярных книгах. Дескать, подточат дерево до половины ствола, затем ждут ветра в нужную сторону. После допиливают оставшуюся часть. Ничего подобного. Деревья лиственных пород навалены как попало. Хвойники не трогают, чтоб зубы смолой не забивать. Вообще-то любимой пищей бобров считаются осина и ива, но валят и липу, и березу. Причем складывается ощущение, что валят без дальнего прицела. Со многих деревьев ни веточки не взято - ни на строительство плотины, ни на еду. Я думаю, что у растительноядных бобров и без веток в тарской тайге еды хватает. Валить же деревья физиология заставляет. Зубы растут постоянно, стачивать как-то надо. Вот и валят зверюги все подряд.

Длиной плотина метров 30. Ширина у основания до полутора метров, а по верхнему краю - сантиметров 20. Верхняя кромка плотины находится примерно в десяти сантиметрах от поверхности воды. Края плотины заросли кустами. Давно построена. По словам Николая, не меньше 15 лет. Удивительно, сколь много земли надо было достать со дна, чтобы запрудить лесную речку. Тонны черного грунта удерживают воду пруда.

Есть в плотине специальный проран для спуска лишней влаги. Это место хорошо заметно. Сучья и ветки - каркас плотины - лежат на виду, почти не забросаны землей. Глубина пруда - около метра. Николай говорит, что кроме карася в этом пруду водится линь, который в других водоемах нашей области почти не встречается.

По берегам, вдоль пруда бобров, деревья толще в обхвате и растут гуще. А ниже по ручью, где из-за плотины русло сухое, деревья не столь массивные и чаще встречается кустарник. Грунтовых вод для полноценного развития леса не хватает.

Дерево, спиленное бобровыми зубами.

То ли бобрам уже мало в округе подходящих водоемов, то ли по какой другой причине, но ниже той плотины, у которой мы были, начинается возведение второй, а дальше - третьей. Создается каскад мини-водохранилищ. Дети бобров, вырастая, заводят собственные семьи.

По отзывам мужиков из таежной части Тарского района, бобров развелось много. Речки едва ли не сплошь завалены спиленными бобровыми зубами стволами, для сети весной место выбрать трудно.

Бобры расплодились по двум причинам. Во-первых, людей в тайге становится все меньше и меньше. Во-вторых, бобровый мех сейчас ценится дешево. Труды же по поимке бобра и выделке шкуры с толстым слоем жира полученными деньгами едва ли компенсируются. Надо долбить лунки, вбивать в дно пруда осиновые колья, чтоб по объеденной коре найти подводную тропу животного. А уж потом ставить капкан. К тому же добытого бобра - его вес 30-40 килограммов - тяжело несколько километров нести до дома. В прошлом году в Омской области было выдано 108 разрешений на добычу бобра, а реализовано всего 41. Правда, люди начинают приобщаться к бобровому мясу. Однако оно еще не в широком ходу. Алмаз обмолвился, что его как-то угощали. Вкус мяса так себе.

А разве можно охотиться на бобра, спросит кто-то. Он же занесен в Красную книгу Омской области. Здесь необходимо внести ясность. В Красную книгу занесен западносибирский подвид бобра. Этот бобр жил на территории Западной Сибири до прихода русских переселенцев. Впоследствии был истреблен, возможно, полностью. Зато у нас хорошо прижились его сородичи - бобры европейского подвида, завезенные из российских заповедников, о них здесь и ведется речь.

Но какая бы красота ни окружала Николая, как бы он ни привык к одиночеству, но два-три раза в год тоска его все же заедает. Тогда заводит бочонок браги и на день-другой уходит в хмельное небытие.

Срок моего пребывания уже подходил к концу, когда Алмаз спросил:

- Виктор, а ты бы не хотел остаться у меня? Мяса и рыбы добудем, а муки еще два мешка стоит.

Я отрицательно покачал головой. Правда, не сразу и не очень решительно. Потому что мне там, в глухой тайге, было очень спокойно. До состояния нирваны.

Прощались мы с Алмазом, к моему величайшему сожалению, стремительно. Из леса резво выскочила знакомая танкетка и тормознула у избушки.

- Журналист, - горласто закричали мужики, - на сборы пять минут. У нас рыба прокисает.

...На подъезде к Омску меня вдруг охватила паника. Опять толчея, опять толпы народа, опять минимум искренности в словах и глазах.

Это очень трудно: пожив рядом с Человеком, снова возвращаться к людям.

Виктор ГОНОШИЛОВ
Фото автора
2006 год, июль-август.

Фото на память.